

БЕСЪДА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ разговорѣ съ Поспѣловымъ, возникшемъ по поводу вопроса о пространствѣ 4-хъ измѣреній, Сократъ выражаетъ отрицательное отношение къ возможности существованія пространства кривого и больше, чѣмъ трехъ измѣреній, и вообще оспариваетъ логическую законность предположеній, на основаніи которыхъ различныя ученыя. напр. Риманъ и Гельмольцъ, допускаютъ возможность таковыхъ пространствъ. Оспаривая Поспѣлова, защищающаго эти предположенія. Сократъ, въ своемъ опроверженіи ихъ, сперва приводитъ возраженія, которыя сдѣланы Риману и Гельмольцу философами Лотце и Шмидт-Дюмономъ и которыя онъ, со своей стороны, считаетъ основательными. Сущность этихъ возраженій состоить въ томъ, что Риманъ и Гельмольцъ въ своихъ выводахъ пространства кривого и больше, чѣмъ 3-хъ измѣреній отталкиваются отъ произвольныхъ абстракцій, отъ ложныхъ аналогий и смышленія понятій, а потому эти выводы и оказываются ошибочными и логически несостоятельными. Потомъ въ разговорѣ съ Иваномъ Карамазовымъ, Сократъ опровергаетъ мета—и пан-геометрическія спекуляціи тѣхъ же ученыхъ уже со своей точки зренія и указываетъ, что они совершенно упускаютъ изъ виду ту роль, которую играетъ въ образованіи идеи пространства наше мышеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую сущность понятія пространства, которое есть не что иное, какъ понятіе порядка, или выраженіе сознанія нашей субстанціи о своей дѣятельности, упорядочивающей свои собственные акты ощущенія, мышленія и проч.

Оставшись съ Калгановымъ и Красоткинымъ ночевать у Карамазовыхъ, я предполагалъ на другой день, вмѣстѣ съ ними, отправиться въ часъ въ Петербургъ, и пока до завтрака вышелъ изъ

дома въ городъ, чтобы, какъ говорится, промять ноги. Когда я возвратился съ своей прогулки, то засталъ всѣхъ въ гостинной, гдѣ сидѣли также и Шугаевъ съ своимъ родственникомъ, котораго мнѣ назвали Поспѣловымъ, когда насъ представляли другъ другу. Повидимому, Поспѣловъ что то рассказывалъ, потому что онъ продолжалъ свой разсказъ, небрежно играя своимъ ринс-нейз.

«Всѣ занимающіеся въ лабораторіи», говорилъ Поспѣловъ, «пользуются совѣтами и указаніями знаменитаго профессора которыи, какъ я уже вамъ упоминалъ, завѣдуетъ учрежденіемъ и принимаетъ такое живое участіе въ нашихъ работахъ, что я не помню, чтобы, проходя мимо моего столика, который стоялъ близъ двери въ его кабинетъ, онъ хоть бы разъ не остановился и не освѣдомился о ходѣ моихъ работъ.

Калгановъ. А позвольте спросить, какими работами вы занимались?

Поспѣловъ. Да разными! Вотъ, напр., послѣдняя моя работа была: «О сравнительной интенсивности обонятельныхъ ощущеній». Она состояла въ томъ, что я сравнивалъ устойчивость въ сознаніи впечатлѣній отъ разныхъ пахучихъ веществъ, напр., цвѣтовъ, духовъ и т. под.

Калгановъ. Ну и что же? Какія же вещества устойчивѣе всѣхъ пахнуть?

Поспѣловъ. Къ сожалѣнію, устойчивѣе и интенсивнѣе другихъ запахи отъ предметовъ, непріятно пахнущихъ.

Калгановъ. (Обращаясь къ Красоткину) Николай Ивановичъ, напомните мнѣ, пожалуйста! Я забылъ какъ вы разъ называли мнѣ эти химическія соединенія!

Красоткинъ. (Улыбаясь) Сѣроводородныя, что-ли?

Калгановъ. Именно, именно! (Обращаясь къ Поспѣлову съ самымъ невиннымъ и смиреннымъ видомъ). Извините, пожалуйста, мнѣ мое любопытство! Какъ же вы изслѣдовали, напр., запахи этихъ сѣроводородовъ? неужели-же вы ихъ приносили въ лабораторію?

Поспѣловъ. (Надѣвая на носъ ринс-нейз и внимательно всматри-

вась въ Калганова. Сухо.) Можно дѣлать изслѣдованія и въ лаборатории; да и въ ней есть разныя отдѣленія и особые рабочіе кабинеты.

Карамазовъ, вѣроятно, опасаясь, что Калгановъ покушается какъ-либо поднять на смѣхъ новаго гостя, и желая прекратить разговоръ о сѣроводородахъ, обратился къ Поспѣлову съ слѣдующими словами: «извините, если я позволю себѣ высказать свою мысль, что не составляеть-ли изслѣдованіе, о которомъ вы сейчасъ сказали, такъ сказать излишнюю роскошь? По крайней мѣрѣ, я не могу себѣ ясно представить, какая могла бы быть польза отъ решения подобныхъ вопросовъ. Минь кажется, что сперва всѣ силы ученыхъ, занимающихся психологіей, должны быть направлены на важнѣйшіе и существеннѣйшіе вопросы о самой природѣ духа человѣческаго, о его силахъ и дѣятельностяхъ и о важнѣйшихъ формахъ проявленія этихъ дѣятельностей. Кажется страннымъ, что до сихъ поръ психологія рѣшительно не выработала ничего твердаго и удовлетворительного относительно, напр., вѣкового спорнаго вопроса о свободѣ воли, а между тѣмъ силы ученыхъ тратятся на разрѣшеніе третьестепенныхъ задачъ, не имѣющихъ никакой особынной настойательности и важности.

Поспѣловъ. Извините, что я не соглашусь съ вами, если вы хотите ограничить науку утилитарными цѣлями. Ей подлежитъ всякий вопросъ, лишь бы онъ былъ научно поставленъ и разрѣшаемъ научнымъ методомъ. Посмотрите, какъ поступаютъ въ точныхъ наукахъ: математикъ, механикъ, астрономіи, физикъ? Тамъ ученые разрѣшаютъ научныя задачи, не заботясь о практической пользѣ, а между тѣмъ всегда случается такъ, что со временемъ является и какое нибудь практическое приложеніе, повидимому, безполезныхъ, чисто теоретическихъ изслѣдованій. Что же касается до вѣкового вопроса о свободѣ воли, то вольно же не научнымъ метафизикамъ вѣчно перетряхивать одну и ту же пыль? Для научной философіи этотъ вопросъ уже давно решенъ отрицательно!

Карамазовъ. Я вовсе не хочу видѣть задачу науки только въ пользу, въ удовлетвореніи узенькихъ цѣлей практической жизни, но

все таки, по моему, знаніе, науку нельзя изолировать отъ желаній, чувствъ, вообще отъ всѣхъ другихъ функцій жизни человѣческой. Поэтому, чѣмъ выше и важнѣе для этой жизни какая либо сфера интересовъ, тѣмъ яснѣе должна быть сознаваема зависимость удовлетворенія этихъ интересовъ отъ знанія, которое служить для того средствомъ. Значитъ, въ наукахъ естественныхъ, которыхъ условны и соприкасаются, по преимуществу, съ низшими или материальными интересами еще можно допустить, чтобы въ нихъ люди занимались чисто теоретическими вопросами, совсѣмъ не имѣя въ виду приложенія ихъ къ жизни. Но въ наукахъ о духѣ или въ наукахъ общественныхъ (напр., въ наукѣ о нравственности или о правѣ), а также и въ историческихъ мы имѣемъ полное право воздерживаться отъ изслѣдований и вопросовъ, рѣшеніе которыхъ совершенно безразлично для нашего совершенства, или для нашего умственного или общественного прогресса, наконецъ, для высшихъ формъ нашего счастья и блага. Жаль, что теперь нѣтъ нашего пріятеля Сократа, а то онъ по этому поводу сказалъ бы что-нибудь интересное!

Поспѣловъ. Да, кстати! что такое этотъ вашъ Сократъ, о кото-ромъ я слышалъ вотъ отъ него (указывая на Шугаева). Извините, но, повидимому, это какой-то чудакъ! Прежде всего онъ чиновникъ, любящій выпить, закусить и поиграть въ винтъ, что весьма естественно; и вдругъ этотъ чиновникъ философствуетъ и проповѣдуетъ какую-то мистическую и трансцендентную метафизику, что уже совсѣмъ не естественно. Любопытно будетъ посмотреть на него, если онъ сегодня придетъ къ вамъ!

Калгановъ. (Обращаясь къ Поспѣлову) Сегодня-то онъ не придетъ, но въ пятницу будетъ непремѣнно; и я бы въ ножки поклонился вамъ, если бы вы съ Иваномъ Антоновичемъ тоже пріѣхали въ пятницу и на чемъ нибудь его такъ бы изловили, чтобъ онъ и ротъ разинулъ. Вотъ, въ послѣдній разъ, когда онъ былъ здѣсь, съ нимъ кто-то заговорилъ о 4-мъ измѣреніи пространства, а онъ отказался. Должно быть, онъ тутъ не густо смыслить! Ну а вамъ, конечно, все эти измѣренія ужъ извѣстны! Хорошо, если бы вы

его тутъ прикрыли, въ этомъ четвертомъ-то измѣреніи! Пожалуйста, пріѣзжайте! (Обращаясь къ Шугаеву), Иванъ Антоновичъ, привезите, пожалуйста, въ пятницу вашего родственника!

Шугаевъ. Такъ Сократъ отказался разговаривать о четвертомъ измѣреніи пространства?! Ну! оно и понятно! вѣдь, для этого нужно читать сочиненія не какого нибудь Ренувье или Штумпфа, на которыхъ онъ ссыпался въ послѣдній разъ, а такихъ ученыхъ, какъ Гауссъ, Лобачевскій, Бельтрами, Риманъ, Гельмгольцъ... Но ему (указывая на Поспѣлова), конечно, известны все эти имена! (Къ Калганову). Не беспокойтесь, Петръ Ѹомичъ, мы непремѣнно пріѣдемъ; и онъ ужъ настоящимъ научнымъ языкомъ поговорить съ вашимъ Сократомъ.

Поспѣловъ. (Развязно) Какъ же мнѣ не знать сочиненій Гельмгольца, когда я имѣлъ честь за-границей быть знакомымъ лично и бесѣдовать съ этимъ великимъ ученымъ. Въ пятницу я непремѣнно буду; и (обращаясь къ Карамазову) если уважаемые хозяева ничего противъ этого не имѣютъ, поспорю съ вашимъ философомъ о пространствѣ 4-хъ измѣреній. А въ которомъ часу будетъ у васъ Сократъ?

Карамазовъ. И я съ своей стороны прошу васъ съ Иваномъ Антоновичемъ пожаловать къ намъ въ пятницу; и очень буду радъ, что вы познакомитесь и побесѣдуете съ нашимъ пріятелемъ, который, вѣроятно, между 10 и 11 часами уже прибудетъ.

Тутъ насъ позвали завтракать, и этотъ разговоръ уже не возобновлялся.

Въ пятницу, отправляясь къ Карамазовымъ, я на вокзалѣ встрѣтилъ Сократа и всю дорогу проговорилъ съ нимъ по поводу своего намѣренія пригласить Синайскаго на лѣтнія вакаціи въ качествѣ репетитора къ моему сыну, гимназисту. Разспрашивая Сократа о Синайскомъ и о возможности моего предпріятія, я и не успѣлъ предупредить его о появлѣніи у Карамазовыхъ Поспѣлова. Поэтому, когда мы, по пріѣздѣ къ Карамазовымъ, нашли у нихъ Калганова, то онъ своими разговорами о Поспѣловѣ возбудилъ въ Сократѣ некоторую сенсацію.

«Вотъ это такъ ужь настоящій философъ», говориль Калгановъ, «работалъ во всѣхъ европейскихъ лабораторіяхъ, со всѣми учеными знакомъ, у самого Гельмгольца принять на короткой ногѣ и пить съ нимъ пиво; а, вѣдь, Гельмгольцъ, какъ я читалъ недавно въ газетахъ, въ такомъ чинѣ, что, по нашему, надо называть Ваше Высокопревосходительство. Значитъ, онъ не сталъ бы обращаться по-товарищески съ пустымъ и не ученымъ человѣкомъ. Ну! Сократъ Ивановичъ, значитъ, нынче берегитесь и проповѣдуйте свою философию по-осторожнѣе.

«Успокойтесь, Сократъ Ивановичъ!» сказала ему Карамазова, когда онъ хотѣлъ что-то отвѣтить Калганову, «вѣдь, вы знаете, что онъ все выдумываетъ. Скажите-ка мнѣ лучше, отчего вы не привезли сегодня съ собою своей дочери?»

Когда Сократъ сталъ объяснять ей, что дочь его осталась для того, чтобы готовиться съ подругами къ экзамену, то появились и Поспѣловъ съ Шугаевымъ. Конечно, Поспѣловъ и Сократъ были представлены другъ другу; и когда всѣ усѣлись въ гостинной, то Калгановъ неожиданно обратился къ Поспѣлову и выпалилъ слѣдующее:

«Ужь вы не сердитесь на меня, профессоръ, что я буду просить васъ, какъ человѣка компетентнаго, разрѣшить нашъ споръ съ моимъ почтеннымъ другомъ, Сократомъ Ивановичемъ. Вотъ, онъ утверждаетъ, что существуетъ какое-то пространство 4-хъ измѣреній и что даже какой-то ученый спирить съ однимъ медіумомъ вызывали изъ этого 4-го измѣренія духовъ, а мнѣ это кажется просто лихорадочнымъ бредомъ. Такъ, вотъ, вы и скажите ваше мнѣніе.

Сократъ. (Къ Калганову) Да перекреститесь; Богъ съ вами, Петръ Єомичъ! Когда же я съ вами спорилъ и говорилъ о пространствѣ 4-хъ измѣреній? Вы просто ужь начинаете сочинять.

Калгановъ. Какъ когда? Да недѣли три, четыре тому назадъ! Вотъ, у нихъ въ домѣ, въ Петербургѣ; это было за ужиномъ! Или вы теперь ужь отказываетесь и побаиваетесь передъ ученымъ-то профессоромъ говорить то, чѣмъ огороживаете нашего брата? Ну,

да положимъ, что вы и не говорили; такъ скажите теперь: существуетъ, или нѣтъ, пространство 4-хъ измѣреній?

Сократъ. (Съ раздраженіемъ) Да съ ума вы сошли? съ какой же это стати я буду разсуждать съ вами объ этомъ совершенно нелѣпомъ и бесполезномъ вопросѣ?

Поспѣловъ. (Обращаясь къ Сократу) Извините, если я позволю себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Я понимаю, что можетъ быть г. Калгановъ поднялъ этотъ вопросъ несвоевременно, но чтобы онъ вообще былъ «совершенно нелѣпымъ и бесполезнымъ»—этого я допустить ужъ никакъ не могу!

Сократъ. Извините, что я на ваше замѣчаніе отвѣчу очень кратко! Вопросъ Петра Ёомича нелѣпъ, потому что онъ отлично знаетъ, что я не только пространство 4-хъ измѣреній, но даже и пространство 3-хъ измѣреній не признаю существующимъ. А бесполезенъ этотъ вопросъ уже потому, что онъ нелѣпъ.

Поспѣловъ. (Надѣвая на нось рince-nez, которое онъ до сихъ порь наматывалъ и разматывалъ съ пальца) Къ сказанному сейчасъ о несвоевременности вопроса г. Калганова я, пожалуй, могу еще прибавить, что и форма его не строго научная, потому что слово: «существовать» никакого реального значенія не имѣть. Но чтобы былъ нелѣпъ и бесполезенъ вопросъ о возможности иныхъ представлений пространства, чѣмъ наше, каковы, напр., представлія пространства различной кривизны и 4-хъ или и вообще измѣреній, этого я не могу допустить. Объ этомъ предметѣ думали и разсуждали такие ученые, которыхъ въ цѣлой Европѣ одинъ, другой, да и обчелся. Надѣюсь, что вы слышали (торжественно) имена, напр., Римана и Гельмгольца... Если вы читали, ужъ я не говорю самыя ихъ сочиненія, но даже какія-либо статьи объ нихъ, то вы должны согласиться, что этими учеными безповоротно решается спорный вопросъ объ эмпирическомъ или априорномъ происхожденіи нашего представленія пространства и решается въ пользу... (съ удареніемъ) эмпирического.

Сократъ. Извините и меня также, что я не могу допустить, чтобы слово: «существованіе», ничего не значило. Далѣе, какъ бы ни

были известны имена ученыхъ, трактовавшихъ о кривомъ и четырехмѣрномъ пространствѣ, но все таки они могли въ этихъ своихъ толкованіяхъ ошибаться и никакъ не разрѣшить вопроса о происхожденіи идеи пространства. Наконецъ, употребленные вами термины: *априорный* и *эмпирический*, безъ определенія, что вы подъ ними разумѣете, для меня рѣшительно ничего не говорятъ.

Пока Сократъ говорилъ эти слова, Калгановъ, сидѣвшій со мною рядомъ, шепталъ мнѣ на ухо: «ну теперь ужъ пойдетъ баталія и они вѣпятся другъ въ друга. Смотрите, у Сократа ужъ и лысина покраснѣла! Вѣрный знакъ, что онъ возгорѣлъ, по его выраженію, философскимъ эросомъ.

Поспѣловъ. (Строго) Позвольте себѣ думать, что вамъ, можетъ быть, вовсе не случилось познакомиться съ идеями Римана и Гельмгольца, потому что иначе для меня совершенно непостижимо, какъ вы можете утверждать, что ими не разрѣшается окончательно вопросъ о происхожденіи идеи пространства. Я не могу понять, какъ могъ на васъ не подѣйствовать *гениальный примѣръ*, приведенный Гельмгольцемъ, о предполагаемыхъ существахъ двухъ измѣреній, но одаренныхъ разумомъ и другими нашими способностями, которые живутъ на шаровой поверхности. Цѣлымъ рядомъ остроумнѣйшихъ разсужденій этотъ мыслитель доказалъ, что у такихъ существъ образовались бы особая отъ нашихъ понятія о пространствѣ и выработалась бы *особая*, отличная отъ нашей, *геометрія*, въ которой наша аксиома о прямой линіи, или одномъ кратчайшемъ разстояніи между двумя точками, вовсе не имѣла бы значенія и приложенія. Далѣе, параллельныхъ линій эти существа не знали бы вовсе; сумма угловъ треугольника въ ихъ геометріи всегда будетъ больше двухъ прямыхъ и т. д. Исходя изъ этихъ разсужденій Гельмгольца, можно далѣе построить геометрію, не только относящуюся къ кривымъ поверхностямъ, но и къ объемамъ, однимъ словомъ, образовать особое представление о пространствѣ и всѣхъ пространственныхъ отношеніяхъ, которое совершенно разнилось бы отъ нашего пространства съ его отношеніями. Это пространство, сравнительно съ нашимъ, должно быть названо *кривымъ* и кромѣ того разли-

чаться, сообразно различной мѣрѣ его *кривизны* (*Krümmungsmaass*). Такъ, если наше или евклидовское пространство, мѣра кривизны котораго=нулю, есть *прямое* или *плоскостное*, то кривыя пространства съ постоянной, положительной или отрицательной, мѣрой кривизны, суть, напр., пространства: *сферическое* и *псевдосферическое*. Точно также, позволю я себѣ еще прибавить, если-бы вы были знакомы съ основными понятіями Римана о трехъ,—четырехъ,—пяти—, N—протяженной многоразличности (*drei*—, *vier*—, *fünf*—, n — fache ausgedehnte Mannigfaltigkeit), (обращаясь къ присутствующимъ)—извините, что я для большей ясности употребляю термины самого Римана,—то для васъ не былъ бы нелѣпымъ вопросъ о пространствахъ четырехъ, пяти и наконецъ N измѣреній, которыхъ суть логическое послѣдствіе этихъ основныхъ понятій.

При этихъ словахъ Поспѣлова, голосъ котораго звучалъ все торжественнѣе и торжественнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчалъ эффектъ, производимый ими на слушателей, вошла горничная и доложила хозяйкѣ, что въ столовой готовъ и поданъ завтракъ. Въ ту-же минуту появились и сейчасъ прибывшіе Синайскій съ Красоткинымъ. Катерина Ивановна, извиняясь передъ Поспѣловымъ, что его интересная рѣчь была неожиданно прервана, пригласила всѣхъ присутствующихъ къ завтраку.

Когда мы всѣ встали и направились въ столовую, то Шугаевъ, быстро овладѣвъ Красоткинымъ и Синайскимъ, началъ въ полголоса рассказывать имъ о начавшемся спорѣ между Сократомъ и Поспѣловымъ, съ которымъ тотчасъ же и познакомилъ ихъ. Въ столовой, гдѣ на длинномъ столѣ стояли водка, вино, разныя закуски и на большомъ блюдѣ дымился уже разрѣзанный ростбифъ, всѣ заняли мѣста такимъ образомъ. Первое мѣсто заняла хозяйка, которая по правую сторону отъ себя пригласила сѣсть Сократа, а по лѣвую новаго гостя, Поспѣлова. Рядомъ съ Поспѣловымъ сѣли Серебрякова съ двумя дѣтьми, а далѣе я и Калгановъ. Съ другой стороны рядомъ съ Сократомъ сидѣли сперва Иванъ, а потомъ Алексѣй Карамазовъ, а за ними Красоткинъ и Синайскій, имѣя между собою Шугаева. Всѣ въ разсыпную разговаривали съ своими сосѣдями.

Хозяинъ угощалъ Поспѣлова и другихъ гостей различными напитками и закусками. Хозяйка съ Серебряковой разспрашивали Поспѣлова обѣ его заграничномъ житьѣ. Изъ того, что съ свойственною ему стремительностью объясняль своимъ сосѣдямъ Шугаевъ, до теня доходили только отдалльные возгласы въ такомъ родѣ: «великіе математики Гауссъ и Риманъ.... Гельмгольцъ въ его «Wissenschaftliche Vorträge».... Да! Поспѣловъ будетъ украшеніемъ пославшаго его за-границу университета.... Гдѣ же мистицизму спорить съ наукой?....» Калгановъ между тѣмъ шепталъ мнѣ на ухо: «посмотрите, какъ Сократъ поглядываетъ черезъ Карамазовыхъ на Синайскаго, боясь, чтобы Шугаевъ не перетянуль его на свою сторону!.... Но, вотъ, я сейчасъ опять стравлю ихъ съ Поспѣловымъ».

Сократъ, молча выпившій рюмку водки и закусивши ее селедкою, положилъ себѣ на тарелку ростбифа и обратился къ Катеринѣ Ивановнѣ съ просьбою угостить его «старочкой».

«Извините», отвѣчала ему Карамазова, «старка вся вышла, и я еще не успѣла запастись новой, но на дняхъ навѣрно получу. Ужъ дѣлать нечего! выкушайте еще вашего любимаго ерофѣича».

Воспользовавшись этимъ, Калгановъ обратился къ Сократу съ слѣдующими словами: «не вѣрьте, мой почтенный другъ, многоуважаемой хозяйкѣ. Старка у ней есть, я это знаю навѣрное; но она, по какимъ-то санитарнымъ соображеніямъ, не хочетъ вамъ ее давать, что и я съ своей стороны одобряю, потому что вы нынче не стоите на высотѣ, приличествующей философу, и до сихъ поръ еще ничего не можете возразить на то, что высказалъ вамъ съ такою силою профессоръ Поспѣловъ».

Сократъ. (Къ Калганову). Удивляюсь я, изъ чего вы-то хлопочете? Вѣдь, вамъ все равно, есть-ли 4-ое измѣреніе пространства, или нѣтъ. Я кажется, уже не разъ говорилъ вамъ, что такъ какъ для меня не существуетъ пространства прямого и 3-хъ измѣреній, то о пространствѣ кривомъ и 4-хъ измѣреній и толковать нечего. (Взглянувъ на Поспѣлова). Надо, чтобы мнѣ доказали, что существуетъ пространство 3-хъ измѣреній. Что-же я буду *по пусту* языккомъ бить, разсуждая о какихъ-то существахъ двухъ измѣреній,

ползающихъ по поверхности шара, когда я не признаю дѣйствительно существующими, какія бы то ни было, пространственныя существа ни 3-хъ, ни 2-хъ, ни одного измѣренія, ни даже, подобно душѣ Декарта, помѣщающихся въ одной точкѣ! (Обращаясь къ Карамазовой укоризненнымъ тономъ). Видите, Катерина Ивановна, я покоряюсь; и вмѣсто отсутствующей старки выпью рюмку присутствующаго ерофѣича.

Поспѣловъ. (Обращаясь къ Сократу). Извините! но я не могу не сдѣлать замѣчанія на ваши слова, обращенные къ г. Калганову. Что существа 2-хъ измѣреній суть только предполагаемыя, на основаніи аналогіи, а не дѣйствительныя, съ этимъ, конечно, не станетъ спорить и самъ Гельмгольцъ, сдѣлавшій это предположеніе; и упрекать его въ этомъ случаѣ было бы просто *ignoratio elenchi!* Дѣло въ томъ, что если мы разъ допустили такое предположеніе, то уже должно признать безспорными всѣ разсужденія этихъ существъ, приводящія ихъ къ созданію особой, не евклидовской геометріи. Поэтому, если вы хотите опровергнуть Гельмгольца, то, вы должны стать на *сю точку зренія*, а иначе мы должны думать, что вы вообще не желаете разсуждать на эту тему, и, конечно, къ этому принуждать васъ никто не можетъ.

При этихъ словахъ Поспѣлова всѣ разговоры смолкли, и общее вниманіе было обращено на него. Калгановъ, захлебываясь отъ удовольствія, шепталъ мнѣ на ухо: «ну, теперь пойдетъ! Вотъ, ужь и Катерина Ивановна поблѣднѣла отъ испуга, что Сократъ осрамится»!

Сократъ. (къ Поспѣлову) Извините, если я, прежде, чѣмъ отвѣчу на ваше замѣчаніе, доѣмъ этотъ кусочекъ мяса и промочу горло.

И спокойно выполнивши это, Сократъ отвѣтилъ Поспѣлову слѣдующее.

«Конечно, всякий имѣть право предполагать на основаніи аналогіи, но однако эти предположенія должны не нарушать правилъ, которымъ логика подчиняетъ аналогію, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о предположеніяхъ Гельмгольца, что я и попытаюсь вамъ

сейчасъ доказать. Прежде всего я долженъ отмѣтить, что Гельмгольцу совершенно чужда та точка зрења, на которой, напр., стою я, т. е., что пространства и пространственныхъ тѣлъ въ дѣйствительности совсѣмъ не существуетъ: онъ держится за обычное воззрѣніе, что мы съ нашими тѣлами существуемъ въ пространствѣ 3-хъ измѣреній. Исходя изъ этого обычного воззрѣнія, Гельмгольцъ къ основу своего предположенія о существахъ, вырабатывающихъ особую отъ нашей геометрію, кладетъ аналогію, въ которой эти существа двухъ измѣреній, ползающія на поверхности шара имѣютъ всѣ тѣ способности ощущенія, мышленія, чувства и проч., которыми обладаемъ и мы. Въ той же аналогіи молчаливо принимается, что трехмѣрное тѣло наше реально и что оно воздѣйствуетъ на всѣ формы и акты нашей психической жизни, а черезъ него и посредствомъ его дѣйствуетъ на нее также и весь материальный міръ. Эта молчаливая предпосылка въ свою очередь включаетъ въ себѣ неизбѣжное слѣдствіе, что всѣ пространственные отношенія нашего тѣла и материального міра вліяютъ на насъ такъ, что мы въ силу этого вліянія непремѣнно образуемъ представление или понятіе нашего пространства 3-хъ измѣреній и соотвѣтствующей ему евклидовской геометріи. Но когда тотъ же Гельмгольцъ къ этимъ молчаливымъ предпосылкамъ, *implicite* заключающимся въ положеніи, что тѣ существа и мы тождественны по нашимъ способностямъ, присоединяетъ еще особое предположеніе, что они суть только 2-хъ измѣреній, то eo ipso онъ входитъ въ полное противорѣчіе съ тѣмъ предположеніемъ, которое составляетъ первое основаніе для его аналогіи, т. е., что тѣ существа имѣютъ всѣ тѣ же способности, какія имѣемъ и мы. Очевидно, что существа 2-хъ измѣреній, не имѣвшія нашего тѣла и не подлежавшія тѣмъ условіямъ, при которыхъ развивались и образовались наши способности и вообще наша психическая жизнь, не имѣли бы и нашего воспріятія, нашего мышленія, вообще абсолютно не могли бы разсуждать, какъ мы, и строить не евклидовскую геометрію такъ, какъ они это дѣлаютъ у Гельмгольца. Значитъ, мой упрекъ ему въ ошибочности его предположеній не только *не есть ignoratio elenchi*, но *вполнѣ законное*,

съ логической точки зрењія, обличеніе его въ томъ, что онъ самъ же разрушаетъ ту аналогію, на которой хочетъ построить свои разсужденія и выводы относительно возможности особой не евклидовской геометріи.

«Но если бы я и согласился, по вашему приглашенію, стать на точку зрењія Гельмгольца и съ нея опровергнуть эту возможность новой геометріи, то мнѣ совершенно нѣтъ въ томъ надобности, потому что это сдѣлано и безъ меня, людьми болѣе меня компетентными.

Поспѣловъ. (Съ азартомъ). Кѣмъ-же, кѣмъ? Прошу васъ указать мнѣ на нихъ?

Сократъ. Вамъ должна-бы быть извѣстна основательная критика предположеній Гельмгольца, которую сдѣлалъ въ послѣднее время философъ Лотце, ставшій, какъ вы сейчасъ требовали, на точку зрењія Гельмгольца и убѣдительно доказавшій, что эти, живущія на шаровой поверхности, существа двухъ измѣреній при условіи что они имѣли бы всѣ свойственныя нашей человѣческой природѣ силы и способности, точно также, какъ мы, развили бы понятія *нашей же евклидовской геометріи* и пространства съ тѣми же тремя измѣреніями, съ тѣми же, какъ и у насъ, параллельными линіями и, напротивъ, не образовали бы понятій о кривомъ пространствѣ и не евклидовской геометріи. *)

«Далѣе позволю себѣ напомнить вамъ обѣ одномъ изъ разсужденій Лотце, въ которомъ онъ весьма остроумно показываетъ, что и предположенія о 4-мъ измѣреніи пространства *не имѣютъ* подъ собою твердой логической почвы. Исходя изъ положенія, законность котораго должны признать и защищающіе возможность 4-го измѣренія, что всякое новое 4-ое измѣреніе, кроме трехъ данныхъ въ нашемъ пространствѣ, должно быть «*вполнѣ однороднымъ и взаимно-замѣстимымъ*» съ этими данными, къ которымъ оно, по предполо-

*) Указываемая здѣсь Сократомъ критика Лотце находится въ его сочиненіи: «Metaphysik von Hermann Lotze 1884; см. въ главѣ: Deductionen des Raumes, § 132 и слѣд.—Примѣченіе редактора.

женію, могло-бы присоединиться, Лотце заключаетъ, что это 4-ое измѣреніе должно быть *перпендикулярно къ тремъ другимъ*, какъ каждое изъ нихъ перпендикулярно къ двумъ остальнымъ. Конечно, это требование можно отклонить тѣмъ, что, хотя намъ теперь и невозможно представить новое четвертое измѣреніе, которое было-бы перпендикулярно къ тремъ остальнымъ, но что изъ того не слѣдуетъ, чтобы это было также невозможнымъ и для какихъ либо другихъ аналогичныхъ съ нами существъ, или же, чтобы и мы сами не сдѣлались къ тому способны на высшей ступени нашего развитія. Но эту отговорку Лотце, въ свою очередь, устраняетъ тѣмъ соображеніемъ, что если бы существовали реальная основанія для созерцанія пространства въ четырехъ измѣреніяхъ, то при располождѣкъ нашей пространственной дѣйствительности для насъ возникли бы такія затрудненія и противорѣчія, устранить которыхъ возможно было-бы только путемъ полнаго измѣненія нашего пространственного созерцанія изъ трехмѣрного въ четырехмѣрное. Но мы, по Лотце, никакихъ противорѣчій не чувствуемъ, чрезвычайно удобно размѣщаемъ въ нашемъ пространствѣ всѣ наши реальности и вполнѣ удовлетворяемся имъ, не смотря даже на то, что пангеометрическія спекуляціи Римана, Гельмгольца и другихъ и подавали бы намъ поводъ разыскивать и желать еще новаго, четвертаго измѣренія къ тремъ нашимъ даннымъ.....

Поспѣловъ. Извините, что я позволю себѣ остановить васъ, потому что разсужденій Лотце я не читалъ и читать не стану. Этотъ философъ, уже давно *потерявший подъ собою научную почву* и запутавшійся въ дебряхъ спиритуалистической метафизики, никакимъ авторитетомъ въ моихъ глазахъ не пользуется. Я попросилъ бы васъ указать на какое-либо *научное опроверженіе* теорій Римана и Гельмгольца.

Сократъ. (Съ раздраженіемъ) Плачу и рыдаю, егда помышляю о своемъ невѣжествѣ въ *научныхъ опроверженіяхъ*, но все-таки попытаюсь напомнить вамъ еще объ одной критикѣ тѣхъ же теорій Римана и Гельмгольца, сдѣланной Шмицъ-Дюмономъ, который думаетъ, что всѣ эти спекуляціи о кривыхъ пространствахъ или же

иныхъ измѣреній, чѣмъ наше, суть продуктъ разныхъ логическихъ ошибокъ, которые дѣлаютъ, но которыхъ не сознаютъ почтенные изобрѣтатели *пангеометріи*, *метагеометріи* и *метаматематики*. Эти ошибки, какъ весьма обстоятельно указываетъ Шмицъ-Дюмонъ, состоять, напр., въ постоянномъ смѣшении этими изобрѣтателями абстрактнаго понятія пространства съ представлениемъ или созерцаніемъ пространства, или также въ упущеніи изъ виду, что одними и тѣми же математическими символами и формулами изображаются различные логические понятія, и наоборотъ одно и то же понятіе изображается различными формулами и символами. Отсюда происходитъ, что, когда изъ этихъ символовъ и формулъ дѣлаются заключенія по аналогіи, то они, имѣя значеніе только съ точки зрењія математической комбинаціи величинъ, оказываются ложными съ точки зрењія логического содержанія понятій, а потому и не могутъ имѣть логически законнаго приложенія (напр., въ выводѣ по аналогіи) къ тѣмъ понятіямъ, которые были первоначально символизированы математическими формулами.

«Такъ когда Риманъ, по мнѣнію Шмицъ-Дюмана, по аналогіи съ нашимъ пространствомъ, измѣреніямъ котораго соотвѣтствуютъ три первыя степени чиселъ или алгебраическихъ знаковъ, строить высшее родовое понятіе «*n*—разъ протяженной многоразличности», то онъ въ своемъ символическомъ выраженіи отвлекается отъ тѣхъ эмпирическихъ условій, при которыхъ образуется понятіе измѣренія и которая должны мыслиться въ немъ и тогда, когда измѣреніе символизируется алгебраическими знаками и формулами. Поэтому, если какая либо математическая величина въ первой степени (a^1) можетъ означать величину специфически пространственную или геометрическую, а именно линейное протяженіе, или одно изъ измѣреній пространства, если a^2 можетъ означать тоже пространственную величину двухъ измѣреній, a^3 можетъ означать также пространственную величину трехъ измѣреній или геометрическое тѣло, то a^4 и a^n уже никакой специфически пространственной или геометрической величины не означаютъ, т. е., они уже не суть символы пространства 4-хъ и n измѣреній. Значитъ, вообще Риманово понятіе «многораз-

личности» есть понятіе просто *какой то* протяженной величины, но никакимъ образомъ не есть понятіе специфически пространствен-наго протяженія. Поэтому оно могло бы очень хорошо прилагаться къ протяженіямъ времени или къ какимъ либо другимъ понятіямъ (напр., цветовой, тепловой интенсивности и проч.) допускающимъ приложение къ нимъ постоянной или переменной величины. Но оно вовсе не можетъ быть, какъ хотѣлось того Риману, понятіемъ «*пространства вообще*», къ которому бы наше трехмѣрное пространство относилось, какъ видъ къ роду. Такому отношенію, какъ то основательно объяснено Шмицъ-Дюмономъ, препятствуютъ качественные элементы нашего пространства, произвольно устраниенные Риманомъ въ его понятіи «*многоразличности*»

«У того же Шмицъ-Дюмана есть основательная критика и предположеній о неевклидовской геометріи, изобрѣтаемой существами, живущими на поверхности шара. Онъ признаетъ эти теоремы неевклидовской геометріи совершенно законными, не только на поверхности пространственныхъ объемовъ, которые, какъ опредѣленныя тѣла, могутъ имѣть на этихъ своихъ границахъ тѣ или другія опредѣленныя направленія, а потому и допускаютъ понятіе «*мѣры поверхности кривизны*» и выраженія ея посредствомъ математическихъ формулъ. Но какъ скоро какое либо тѣло разсматривается съ точки зрењія свойствъ его непрерывнаго объема, или, что все равно, какъ скоро пространство понимается какъ «всесторонній continuum», то, по Шмицъ-Дюмону, не можетъ быть и рѣчи о пространствѣ, обладающемъ мѣрою кривизны, которое «для него такъ же безсмыс-ленно, какъ понятіе кривого тона или кривого цвета» *). Однимъ словомъ, абстрактныя математическія комбинаціи надъ аналитиче-

*) Говоря о Шмицъ-Дюмонѣ, Сократъ здѣсь имѣеть въ виду сочиненіе этого писателя: «Die mathematischen Elemente der Erkenntniss-theorie. Grundriss einer Philosophie der mathematischen Wissenschaften von O. Schmitz-Dumont. Berlin, 1878. См. спеціально главу XII, стр. 119—150, а также и, относящіяся къ этой главѣ, примѣчанія въ концѣ книги.

Примѣчаніе редактора.

скими формулами не даютъ, по Шмицъ-Дюмону, никакого права постулировать особыя понятія, не имѣющія для себя никакихъ другихъ основаній, кроме этихъ комбинацій...

Поспѣловъ. Извините, но вы напрасно трудитесь! Я и вашего Шмицъ-Дюмона не читалъ и читать не стану. Помилуйте, можно-ли ставить на одну доску какого то никому неизвѣстнаго философа или математика съ такими людьми, какъ Гельмгольцъ, о которомъ слышалъ всякий гимназистъ высшихъ классовъ, или какъ Риманъ, о которомъ знаетъ всякий студентъ математического факультета. Нѣть! ужъ вмѣсто вашихъ ссылокъ на Лотце или на Шмицъ-Дюмона, не угодно-ли вамъ самимъ *прочесть, разобрать и опровергнуть* этихъ великихъ основателей новой отрасли математической науки.

Сократъ. (Съ тѣмъ-же раздраженіемъ) Нѣть! ужъ позвольте мнѣ отложить *чтение и опроверженіе* передъ вами Римана и Гельмгольца до тѣхъ поръ, пока вы сами не изволите прочесть указываемыхъ мною вамъ Лотце и Шмицъ-Дюмона и пока вы ихъ не опровергнете. Если вы исполните мое предложеніе, тогда и я обя-зуюсь исполнить ваше!

Въ это время хозяйка, вѣроятно, опасаясь, что споръ можетъ принять слишкомъ рѣзкія формы, обратилась къ присутствующимъ съ предложеніемъ выйти на балконъ, где готовъ самоваръ и выпить послѣ завтрака чаю. Но, вставши изъ за стола, Шугаевъ съ Поспѣловымъ не попали на балконъ и попрощались съ хозяевами и со всѣми присутствующими. Прощаясь съ Сократомъ, Поспѣловъ просилъ его извинить ему, если въ жару спора онъ употребилъ какое нибудь рѣзкое выраженіе. Съ своей стороны и Сократъ при-несъ Поспѣлову такое же извиненіе, такъ что они разстались мирно и благодушно.

Когда, по уходѣ гостей, всѣ присутствующіе вышли на балконъ и занялись чаепитіемъ, то началось общее обсужденіе происходившаго передъ тѣмъ спора, при чёмъ Калгановъ старался раздразнить Сократа тѣмъ, что, по его мнѣнію, Поспѣловъ вполнѣ правъ. «Ну! подумайте сами, Сократъ Ивановичъ», говорилъ Калгановъ, «вѣдь, это дерзость со стороны какихъ-то Лотце и Шмицъ-Дюмона, о ко-

торыхъ никто и не слыхивалъ, оспаривать и противорѣчить такому авторитету, какъ Гельмгольцъ. Поэтому вы благоразумно поступили, что не пустились отъ себя опровергать его, потому что вамъ тогда крѣпко досталось бы отъ Поспѣлова, который, небось, Гельмгольца знаетъ наизусть, а вы, вѣдь, не читали его; по крайней мѣрѣ, я отъ васъ ни разу не слыхалъ объ этомъ».

Но такъ какъ Сократъ упорно не отвѣчалъ Калганову и пиль чай, то Иванъ Федоровичъ Карамазовъ, который теперь уже былъ извѣстенъ всѣмъ присутствующимъ, подъ его настоящей русской фамиліей, обратился къ Сократу съ слѣдующимъ вопросомъ: «скажите мнѣ, пожалуйста, Сократъ Ивановичъ, какое-же ваше окончательное мнѣніе объ этихъ спекуляціяхъ ученыхъ о кривомъ пространствѣ или пространствѣ 4-хъ и п измѣреній. Чѣмъ ваше мнѣніе разнится отъ мнѣній по тому же предмету Лотце и Шмицъ-Дюмона».

Сократъ. Трудную вы мнѣ ставите задачу, уважаемый Иванъ Федоровичъ, ибо сформулировать кратко и ясно *различие точекъ зрењія*, съ которой я могу возразить противъ спекуляцій Римана и Гельмгольца и съ которой возражаютъ Лотце и Шмицъ-Дюмонъ, дѣло не легкое. Вообще различіе это можно лучше всего выразить древнею русскою поговоркою: «то-же слово, да не такъ бы молвилъ». Въ общемъ и цѣломъ я, конечно, согласенъ съ сущностью давеча приведенныхъ мною ихъ возраженій, т. е., что Риманъ и Гельмгольцъ въ основу своихъ спекуляцій допускаютъ *логическія ошибки и смѣщеніе понятий*, а потому и грѣшать противъ правиль аналогіи и приходить къ ложнымъ выводамъ и незаконнымъ постулатамъ. Но въ противоположность Лотце и Шмицъ-Дюмону я вовсе не чувствую надобности, для опроверженія Римана и Гельмгольца, становиться на ихъ точку зрењія, потому что я въ моихъ воззрѣніяхъ на сущность пространства и на происхожденіе этой идеи отстою отъ нихъ гораздо дальше, чѣмъ Лотце и Шмицъ-Дюмонъ. Хотя эти послѣдніе такъ-же, какъ и я, не видятъ въ пространствѣ какой либо о себѣ сущей вещи, а также, подобно Канту, не видять въ немъ и чистой апріорной формы созерцанія, но все таки они еще

не вполнѣ порвали съ кантовскою точкою зрења съ одной стороны, а съ другой обнаруживаются даже нѣкоторое легкое уклоненіе и въ сторону англійского сенсуализма. Для меня же пространство имѣеть только идеиное существованіе, оно есть только нашъ умственныи актъ или продуктъ нашего мышленія. Чувственная же качественность, возникающая въ нась на основаніи природы нашей субстанціи и на основаніи ея связи съ другими существами всего міра, есть для меня только поводъ, возбуждающій наше мышленіе къ расположенію актовъ ощущенія этой качественности въ пространственный порядокъ. Поэтому я не только съ Лотце и Шмицъ-Дюмономъ отрицаю право на понятіе какого-то «пространства вообще», или «п—разъ протяженной многоразличности», но и признаю, что для пространства трехъ измѣреній высшимъ родовымъ понятіемъ будетъ понятіе *порядка*, по отношенію къ которому пространство есть видъ, соподчиненный съ другими видовыми понятіями, каковы, напр., время, причинность, порядки: чиселъ, ступеней развитія существъ или дѣятельностей и проч. и проч. Но на это послѣднее положеніе едва ли согласились бы Лотце и Шмицъ-Дюмонъ.

«Такъ какъ у всякой системы то, что она отрицаеть, стоитъ въ тѣсной связи съ ея положительной стороной, то и въ моемъ опроверженіи спекуляцій Римана и Гельмгольца я исхожу изъ моей теоріи образованія пространственныхъ измѣреній. Вы помните, что *поводъ къ образованію* у насъ понятія о каждомъ новомъ измѣреніи заключается въ какомъ либо пункте качественности (зрительной или осязательной), который возбуждаетъ наше вниманіе, а между тѣмъ находится въ ряда пунктовъ, уже объединенныхъ въ нашемъ сознаніи, какъ одно сопринаадлежное цѣлое, т. е., какъ измѣреніе. Этимъ процессомъ и развивалась наша идея пространства отъ одного измѣренія къ двумъ, отъ двухъ къ тремъ. Значитъ, четвертое измѣреніе могло бы возникнуть только въ томъ случаѣ, если бы, при сознаніи объединенія нами всѣхъ пунктовъ нашей чувственной дѣятельности въ единство *тѣлесного пространства*, наше вниманіе было бы возбуждено еще новымъ пунктомъ качественности, находящимся

внѣ измѣреній этого тѣлеснаго пространства и при томъ такъ, что отъ этого новаго пункта мы могли бы достигнуть любого пункта нашего тѣлеснаго пространства, никакъ не проходя черезъ какой либо другой пунктъ его. Но очевидно, что всякий такой возможный пунктъ никогда не можетъ выйти изъ предѣловъ нашего тѣлеснаго пространства, которое мы имѣемъ полное логическое право *продолжать равнотрно во всѣ стороны въ безконечность*. Отсюда предполагать возможность новаго четвертаго измѣренія, или, что все равно, возможность какихъ либо пунктовъ зрительного, или осязательно-мускульного ощущенія внѣ нашего трехмѣрно-пространственного порядка значило-бы предполагать *пространство виа пространства* или *пространство за границею* нашего *безграничного пространства*. Но, конечно, эти слова суть не что иное, какъ явное *противорѣчие въ терминахъ*.

«Но мы уже видѣли, что абстрактное, или оторванное отъ сознанія реальныхъ условій и актовъ нашей дѣятельности, понятіе пространства можетъ повести къ разнымъ незаконнымъ продуктамъ, каково, напр., субстанцірованное, сущее само по себѣ, безконечное и абсолютное пространство. Та же абстрактная почва способствуетъ и образованію *ложной аналогии*, на основаніи которой постулируется возможность кривого пространства и 4-хъ, 5-ти, 6-ти и n—измѣреній. Это мнимое основаніе можетъ быть выражено въ, повидимому, законномъ вопросѣ: отчего-бы, въ самомъ дѣлѣ, не допустить *in abstracto* существованія пространства 4, 5, 6 и т. д. измѣреній, если есть пространство 2-хъ, 3-хъ измѣреній? Но такой вопросъ совершенно равняется другому: отчего-бы не допустить *in abstracto* существованія людей ростомъ въ 7, 8, 9, 10, 100, 1000 и т. д. футовъ, если есть люди въ 4, 5, 6 футовъ. Отвѣтъ на этотъ второй вопросъ ужъ очень простъ и ясенъ. Оттого это невозможно, что материальныя формы и размѣры человѣческаго существа обусловлены, во-первыхъ, *метафизическими отношеніями* человѣческой субстанціи со всѣми разнообразными другими субстанціями міра, а во-вторыхъ — *законообразнымъ отраженiemъ* тѣхъ метафизическихъ отношеній въ явленіяхъ нашего сознанія, означающихъ акты нашей

двигательной (ощущающей), чувствовательной, желательной и наконецъ мыслящей и представляющей дѣятельности въ ихъ взаимной связи и координаціи. Но по той-же самой причинѣ и аналогіи Римана и Гельмгольца неправильны; въ нихъ точно также совершенно упущены изъ виду всѣ необходимыя условія нашей природы вообще и въ частности нашей ощущающей, мыслящей и проч. дѣятельностей, входящихъ въ процессъ образованія идеи пространства и его измѣреній. Слѣдовательно, такія ложныя аналогіи не могутъ дать ни малѣйшаго права на предположенія возможности идеи пространства 4-хъ, 5-ти и п измѣреній.

«Точно то-же я долженъ сказать и о понятіи кривого пространства съ постоянной или непостоянной мѣрой кривизны. *Необходимымъ базисомъ и conditio, sine qua non*, для математического построенія разныхъ сферъ, псевдо-сферъ, эллипсоидовъ и т. под.. а также и ограничивающихъ ихъ поверхностей съ постоянной и непостоянной мѣрой кривизны служить идея уже совершенно выработанного нами эвклидовскаго трехмѣрного пространства съ соотвѣтствующею ему геометріей. Значитъ, выводимое изъ этихъ поверхностей сферическое, псевдо-сферическое, эллипсоидальное и т. под., вообще кривое пространство входило-бы въ противорѣчіе съ тѣмъ эвклидовскимъ пространствомъ, которое составляетъ *необходимое условіе мыслимости* и вышеозначенныхъ тѣль, и ограничивающихъ ихъ поверхностей. Но это логическій nonsens такъ же невозможный; какъ невозможно, чтобы въ сужденіи предикать противорѣчилъ субъекту, или въ силлогизмѣ умозаключеніе противорѣчило бы посылкамъ. Паконецъ, если вы припомните, что для меня идея пространства въ послѣднемъ и полномъ ея развитіи есть не что иное, какъ выраженіе нашего сознанія о нашей дѣятельности, объединяющей и упорядочивающей наши же собственные акты и состоянія, то, конечно, эта идея и не можетъ быть нами выработана иначе, какъ съ тѣми свойствами, въ которыхъ ее мыслить и представлять всѣ люди, хотя огромное большинство ихъ мыслить не ясно и не могутъ дать логического опредѣленія этой своей идеи. Отсюда слѣдуетъ, что, еслибы идея пространственного порядка могла какъ

либо существенно измѣниться, то она уже была бы не наша, не человѣческая идея, а идея какихъ либо другихъ существъ, конечно, выспихъ насть, ибо низпія, на сколько мы можемъ заключать по ближайшимъ къ намъ животнымъ, этой идеи вовсе не имѣютъ.

«Вотъ пока все, что я могу отвѣтить вамъ, Иванъ Федоровичъ, на предложенный мнѣ вами вопросъ.

Когда Сократъ сказалъ эти слова, то Катерина Ивановна обратилась къ нему и ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбою, чтобы они отложили свою бесѣду объ этомъ предметѣ до ея возвращенія домой, такъ какъ она сейчасъ же необходимо должна навѣстить больную г-жу Гуровскую, съ которой онъ давно, еще дѣвочками были дружны, но послѣдніе лѣтъ 15 потеряли другъ друга изъ виду и только на дняхъ случайно встрѣтились здѣсь, въ Царскомъ Селѣ.

По уходѣ Катерины Ивановны, мы всѣ собрались гулять въ паркъ, за исключеніемъ Сократа, который сказалъ, что онъ нынѣшнюю ночь плохо спалъ, а потому и отправится въ кабинетъ хозяина и «немножко вспыхнетъ до обѣда» *).

*.) Предупреждаю читателей, что помѣщенное послѣ «Бесѣдъ» «Прибавленіе къ XIII Бесѣдѣ» лучше прочесть вслѣдъ за нею, а потомъ уже перейти къ XIV-й.

Редакторъ